УДК 347.73:336.225:339.9

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ КОНТРОЛЬ РАСХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (АИС "НАЛОГ-3"): БАЛАНС ФИСКАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Чернявская Мария Юрьевна

студентка 4 курса

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал), Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена правовой оценке автоматизированного контроля расходов физических лиц, осуществляемого с использованием АИС «Налог-3». На основе анализа официальных документов ФНС и научной литературы показано, что результатом работы аналитического контура системы является сигнал, требующий последующей квалификации, а не установленный факт правонарушения. Выявлены три явления, смещающие баланс фискальной эффективности и защиты частных прав: закрытость критериев отбора, неформализованность предпроверочного анализа и невозможность установления вины на основе алгоритмической оценки. Сформулированы процессуальные гарантии, позволяющие сохранить фискальную эффективность системы, не превращая её аналитическую функцию в скрытую форму проверки.

Ключевые слова: АИС «Налог-3»; автоматизированный контроль расходов; предпроверочный анализ; защита прав налогоплательщиков; фискальная эффективность.

AUTOMATED MONITORING OF INDIVIDUALS' EXPENDITURES (AIS "NALOG-3"): BALANCING FISCAL EFFICIENCY AND THE PROTECTION OF TAXPAYERS' PRIVATE RIGHTS

Chernyavskaya Maria Yurievna

4th-year student

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch)

Russia, Orenburg

Abstract. This article provides a legal assessment of the automated monitoring of individuals' expenditures, conducted via the "Nalog-3" (Tax-3) automated information system. An analysis of official documents from the Federal Tax Service and relevant academic literature reveals that the system’s analytical component produces a signal requiring further qualification, rather than establishing

a proven legal violation. Three factors are identified that disrupt the balance between fiscal efficiency and the protection of private rights: the lack of transparency regarding selection criteria, the informal nature of pre-audit analysis, and the impossibility of establishing culpability based solely on algorithmic assessment. The article proposes procedural safeguards designed to maintain the system's fiscal efficiency without allowing its analytical function to evolve into a covert form of tax audit.
Keywords: "Nalog-3" (Tax-3) automated information system; automated expenditure monitoring; pre-audit analysis; protection of taxpayers' rights; fiscal efficiency.

Цифровая трансформация налогового администрирования в России дошла до той стадии, когда автоматизированные системы перестали быть просто удобным инструментом учёта и начали влиять на то, как именно государство решает, кого и насколько пристально проверять. АИС «Налог-3» собирает данные из самых разных источников, включая банки, регистрирующие органы и самого налогового ведомства, а затем на их основе готовит аналитические материалы, которые потом ложатся в основу предпроверочного анализа и камеральных проверок. В связи с этим возникает вполне конкретный юридический вопрос: в каких пределах результаты алгоритмической обработки данных о расходах физических лиц можно считать достаточным основанием для выводов налогового органа и где заканчивается фискальный интерес и начинаются конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и презумпции невиновности налогоплательщика.

Этот вопрос актуален не только потому, что технические возможности системы растут, но и потому, что в Налоговом кодексе до сих пор нет процессуальной формы, которая соответствовала бы природе автоматизированного анализа. Статья 88 Кодекса описывает камеральную проверку, которая проводится на основе поданной декларации и приложенных документов, статья 89 посвящена выездной проверке, для которой нужно решение руководителя налогового органа. Автоматическое сопоставление расходов и доходов физического лица не вписывается ни в одну из этих процедур, поскольку происходит вне рамок проверки, по инициативе самого налогового органа и на основе данных, полученных от третьих лиц. В литературе эту проблему обычно обсуждают через понятия предпроверочного анализа и внепроверочных мероприятий налогового контроля, и их правовая природа до сих пор остаётся спорной [7; 10].

Если посмотреть на то, как тема разработана в науке, можно выделить два пересекающихся направления. Первое связано с изучением цифровизации налогового администрирования и оценкой эффективности информационных систем, второе обращается к правовым пределам налогового контроля и защите прав налогоплательщиков. На пересечении этих направлений и возникает самостоятельная проблема, которой посвящена настоящая статья,

а именно соотношение фискальной эффективности автоматизированного контроля расходов и частноправовых гарантий, которые защищают налогоплательщика от необоснованного вмешательства. Показательно, что доказательственное значение сведений АИС «Налог-3» уже становилось предметом отдельного рассмотрения в юридической литературе [4], и это говорит о том, что научное сообщество признаёт практическую значимость вопроса, но пока не пришло к его теоретическому осмыслению.

Первое, с чем сталкивается вопрос о пределах автоматизированного анализа, это устройство самой системы, поскольку от того, какие операции она выполняет автоматически, зависит и то, какие правовые последствия могут с ними связываться. АИС «Налог-3» построена на процессном подходе, при котором каждый технологический процесс разделён на блоки, выполняемые автоматически, и на интерактивную работу пользователя с данными, а с 2019 года посредством этой системы осуществляется администрирование НДФЛ. В её составе выделяется так называемый «налоговый автомат», то есть комплекс программных средств, реализующий формализованные процедуры и алгоритмы налогового администрирования без участия человека, и именно этот компонент чаще всего имеют в виду, когда говорят об автоматическом контроле. Однако его назначение уже, чем контроль расходов, поскольку он обеспечивает обработку сведений по формам 2-НДФЛ и 6-НДФЛ, подтверждение права на вычеты и иные формализованные операции, а значит, автоматизация на этом уровне касается скорее порядка обработки уже заявленных сведений, чем выявления новых [5].

Автоматизация обработки заявленных сведений не исчерпывает возможностей системы, и за пределами «налогового автомата» находятся её аналитические приложения, к которым относятся «Анализ среднеотраслевых индикаторов» и «Налоговый разрыв». Эти приложения формируются на федеральном уровне на основе налоговой и бухгалтерской отчётности, данных расчётов с бюджетом, а также сведений из федеральных информационных ресурсов, включая ЕГРН, ЕГРЮЛ, 2-НДФЛ, 6-НДФЛ и сведения о среднесписочной численности, и уже сам состав этих источников показывает, что речь идёт о сопоставлении данных, поступающих из разных ведомств [5]. Существенно, однако, что в официальных материалах эти приложения описаны применительно к организациям на общем режиме налогообложения, а не к физическим лицам, поэтому перенос их логики на контроль расходов граждан требует отдельного обоснования, хотя принципиальная возможность сопоставления данных о доходах из разных источников и выявления расхождений в системе заложена.

Заложенная в системе возможность сопоставления данных наглядно проявляется там, где она применяется к физическим лицам, и подтверждённым направлением такой аналитики является выявление лиц, владеющих более чем тремя объектами недвижимости одного назначения, для последующих мероприятий налогового контроля по фактам

незадекларированного дохода от сдачи имущества внаём [5]. Этот пример показывает логику системы в чистом виде: она анализирует не банковские транзакции, а сведения из реестров, и на их основе формирует список для дальнейшей проверки, а не выносит автоматическое решение, поскольку результатом работы аналитического контура становится не установленный факт правонарушения, а сигнал, требующий последующей квалификации человеком.

Если результатом работы системы является сигнал, а не установленный факт, то ключевой вопрос переносится на доказательственное значение её сведений, которое уже становилось предметом специального анализа в научной литературе [4]. Информация АИС «Налог-3» используется для подтверждения фактов взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, а также как база данных о взаимодействии налогоплательщиков между собой, однако требования относимости и допустимости доказательств выполняются не во всех случаях , и для вопроса о контроле расходов это означает, что даже при наличии технической возможности сопоставить данные юридическая квалификация результата такого сопоставления остаётся проблемой, которую система сама по себе не решает.

Изложенное показывает, что технологическая основа позволяет собирать и анализировать значительные объёмы информации, но описанные механизмы работают лишь на уровне выявления признаков и формирования списков для ручной проверки. Разрыв между аналитикой и полноценным автоматическим контролем расходов не исчезает с развитием технологий, а растёт вместе с объёмом данных. Поэтому далее речь пойдёт не о технической стороне, а о правовых гарантиях, определяющих допустимые границы автоматизированного анализа.

Если сигнал сам по себе не является доказательством, возникает вопрос о том, в чём тогда состоит фискальная ценность автоматизированного анализа, и ответ на него лежит не в области доказывания, а в области отбора. Ценность системы для бюджета проявляется прежде всего в том, что она позволяет налоговому органу не распылять ресурсы на сплошную проверку всех налогоплательщиков, а сосредоточиться на тех, чьи показатели отклоняются от ожидаемых. В научной литературе, посвящённой цифровизации налогового администрирования, эта функция описывается через категорию риск-ориентированного подхода, при котором автоматизация служит инструментом предварительной фильтрации, а не заменой проверки как таковой [5]. Именно в этом качестве аналитические приложения АИС «Налог-3» и рассматриваются в официальных материалах, где речь идёт о выявлении признаков и формировании списков для последующей ручной отработки.

Однако фискальная эффективность риск-ориентированного отбора не сводится к экономии ресурсов, поскольку сам отбор уже оказывает дисциплинирующее воздействие на поведение налогоплательщиков. Осознание того, что расхождение между расходами и доходами может быть замечено, само по себе побуждает к более осторожному отношению к

декларированию, и в этом смысле автоматизированный анализ работает как фактор предупреждения, а не только как инструмент выявления. Сторонники такого подхода в литературе указывают, что цифровизация администрирования позволяет выявлять лиц с признаками занижения налоговой базы и тем самым способствует легализации доходов, поскольку издержки сокрытия становятся выше [5]. Для физических лиц, чьи расходы в принципе поддаются сопоставлению с доходами через данные банков и регистрирующих органов, это создаёт дополнительный стимул к тому, чтобы источники средств были объяснимы.

Вместе с тем фискальный эффект такого воздействия имеет и обратную сторону, которая проявляется в том, что дисциплинирующее влияние распределяется неравномерно. Налогоплательщик, чьи доходы и расходы полностью прозрачны и отражены в официальных данных, оказывается в более уязвимом положении, чем тот, чьи операции проходят вне поля зрения системы, поскольку именно первый становится объектом автоматического сопоставления, тогда как второй остаётся невидимым. В литературе эта проблема иногда описывается как смещение контроля в сторону тех, кто в наибольшей степени раскрывает информацию, и для вопроса о балансе фискальной эффективности и защиты частных прав она имеет принципиальное значение [5]. Фискальная эффективность, понимаемая как рост собираемости, не обязательно совпадает с эффективностью распределительной, и автоматизированный анализ, повышая прозрачность одних операций, может оставлять вне поля зрения другие.

Кроме того, сама оценка фискального эффекта автоматизированного контроля расходов остаётся в литературе скорее предположительной, чем доказанной. Эмпирические исследования эффективности налогового администрирования в условиях цифровизации, включая диссертационные работы экономического профиля, как правило, оперируют агрегированными показателями собираемости и не позволяют выделить вклад именно автоматизированного сопоставления расходов и доходов физических лиц [5]. Для юридической аргументации это означает, что ссылка на фискальную эффективность как на основание для расширения контроля не подкреплена достаточными данными, и бремя обоснования такого расширения лежит на том, кто его предлагает. Иными словами, фискальная ценность системы реальна как инструмент отбора и предупреждения, но её масштаб не следует преувеличивать, а главное, она не устраняет тех правовых вопросов, которые были обозначены выше и к которым теперь необходимо перейти.

Следовательно, фискальная эффективность автоматизированного анализа состоит прежде всего в отборе и предупреждении, а не в доказывании, и совместима с правовыми ограничениями лишь пока сигнал системы не подменяет установление факта. Как только фискальный интерес оправдывает перенос бремени объяснения на налогоплательщика, баланс смещается, поэтому

дальнейшее рассмотрение должно быть посвящено конституционно-правовым пределам, отделяющим допустимое воздействие от нарушения прав.

Смещение баланса происходит не в момент, когда система выявляет расхождение, а в момент, когда налогоплательщику предлагается объяснить это расхождение, не раскрывая, на основании каких именно критериев он был отобран. В литературе эта ситуация описывается через категорию «асимметрии информации», которая в налоговых правоотношениях приобретает системный характер, поскольку значительный массив актов ФНС, устанавливающих перечни рисков и критерии оценки подконтрольных лиц, недоступен налогоплательщикам [9]. Закрытость алгоритмов означает, что лицо лишено возможности понять, почему именно оно попало в зону риска, и, следовательно, лишено реальной возможности заблаговременно скорректировать своё поведение. Для контроля расходов физических лиц это имеет прямое значение: если гражданин не знает, какое соотношение трат и доходов система считает подозрительным, он не может ни оспорить отбор, ни привести объяснения, которые были бы приняты во внимание на стадии, когда это ещё возможно.

Такая закрытость непосредственно связана с вопросом о процессуальной природе предпроверочного анализа, в рамках которого данные АИС «Налог-3» и используются. По мнению С.А. Сосновского, контроль фактически перемещается на стадию предпроверочного анализа, процедуры которого не формализованы, а полномочия налоговых органов на этой стадии почти не ограничены [10]. Назначение выездной проверки в такой модели превращается в возбуждение производства по делу о налоговом нарушении, тогда как сам контроль уже состоялся на предварительной стадии, где налогоплательщик не обладает процессуальными правами, соответствующими проверке. А.В. Красюков идёт дальше и относит предпроверочный анализ к новому виду налоговой проверки [7], что подчёркивает разрыв между фактической интенсивностью контроля и его законодательной формой. Для физического лица, чьи расходы сопоставляются с доходами, это означает, что решение о повышенном внимании к нему принимается в процедуре, которая не предусматривает ни ознакомления с материалами, ни права представить возражения в установленном порядке.

Отсутствие формализации предпроверочного анализа создаёт и более конкретную проблему, связанную с пределами использования данных, полученных автоматически. П.С. Алпатов, анализируя доказательственное значение сведений АИС «Налог-3», отмечает, что информация системы используется для подтверждения фактов взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, а также как база данных о взаимодействии налогоплательщиков между собой, однако требования относимости и допустимости доказательств выполняются не во всех случаях [4]. Судебная практика, как показывает Э. Гюльбасаров, в целом принимает данные системы, если они встроены в совокупность доказательств, а не подменяют её, но проблемная

зона возникает тогда, когда система не просто собирает признаки, а сама квалифицирует лицо, фактически осуществляя предварительную юридическую оценку, которая должна подлежать доказыванию [6]. В отношении расходов физических лиц это означает, что автоматически выявленное расхождение само по себе не может рассматриваться как установленный факт занижения дохода, поскольку за ним стоит лишь алгоритмическая оценка, а не проверенное обстоятельство.

Наконец, автоматизированный анализ не решает и вопроса о вине, которая в силу статьи 106 НК РФ является обязательным признаком налогового правонарушения. Как отмечается в литературе, АИС предоставляет лишь внешнее выражение действий налогоплательщика, не имея возможности каким-либо образом предоставить информацию о его вине, и потому данные системы должны подлежать перепроверке налоговыми органами и судами, а не приниматься на веру [8]. Судебная практика знает случаи, когда ошибка в АИС приводила к неправомерному освобождению от страховых взносов и последующему разбирательству, что показывает: автоматическая обработка не свободна от сбоев, и цена такой ошибки для гражданина может быть значительной. Для контроля расходов это означает, что даже технически корректное выявление расхождения не заменяет установления субъективной стороны правонарушения, и попытка вывести вину из данных алгоритма противоречит как структуре налогового правонарушения, так и конституционному принципу презумпции невиновности [1].

Из сказанного вытекает, что конституционно-правовые пределы автоматизированного контроля расходов определяются не только формальными требованиями к доказательствам, но и закрытостью алгоритмов, неформализованностью предпроверочного анализа и невозможностью установления вины на основе данных системы, вместе они ставят налогоплательщика в положение, когда он вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно. Поэтому далее необходимо сформулировать процессуальные гарантии, позволяющие сохранить фискальную эффективность системы, не превращая её аналитическую функцию в скрытую проверку.

Если налогоплательщик вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно, то первая гарантия, способная восстановить баланс, состоит в раскрытии самих критериев отбора. Проблема асимметрии информации, о которой говорилось выше, не может быть решена только путём публикации общих сведений о работе системы, поскольку налогоплательщику необходимо понимать не принцип функционирования АИС «Налог-3» в целом, а то, какие именно показатели его собственных расходов и доходов стали основанием для включения в зону риска. В литературе уже высказывалась мысль о необходимости формализации предпроверочного анализа [10], и эта формализация должна включать не только внутренние регламенты налоговых органов, но и минимальный объём

информации, доводимой до сведения лица, в отношении которого проводится анализ. Без этого любые последующие процессуальные права остаются декларативными, поскольку их реализация требует знания предмета возражений.

Раскрытие критериев отбора, однако, само по себе недостаточно, если у налогоплательщика нет возможности представить объяснения до того, как выводы анализа приобретут для него неблагоприятные последствия. В действующем регулировании такая возможность появляется лишь на стадии проверки или вызова в комиссию, то есть тогда, когда налоговый орган уже сформировал свою позицию. Между тем именно на предварительной стадии, где данные системы только интерпретируются, у налогоплательщика есть наибольшая возможность объяснить расхождение законными причинами, будь то заём, наследство, накопления прошлых лет или продажа имущества. Предоставление права на предварительные объяснения не снижает фискальной эффективности, а напротив, позволяет отсеять ложные срабатывания до того, как они превратятся в издержки для обеих сторон, и в этом смысле оно соответствует логике риск-ориентированного подхода, а не противоречит ей.

Следующая гарантия касается пределов использования автоматически полученных данных в доказывании. Как отмечалось, сведения АИС «Налог-3» должны встраиваться в совокупность доказательств, а не подменять её [4; 6], и это правило нуждается в более последовательном закреплении применительно к контролю расходов физических лиц. Практическое значение имеет то, что автоматически выявленное расхождение не должно рассматриваться как самостоятельное основание для выводов о занижении дохода, поскольку за ним стоит алгоритмическая оценка, а не проверенное обстоятельство. Судебная практика, принимающая данные системы при условии их перепроверки, задаёт верный ориентир, но этого недостаточно, пока на уровне закона не установлено, что сигнал системы является лишь поводом для проверки, а не её результатом.

Наконец, вопрос о вине, обозначенный выше, требует гарантии, связанной с распределением бремени доказывания. Конституционный принцип презумпции невиновности [1] и статья 106 НК РФ исходят из того, что вина устанавливается налоговым органом, а не презюмируется, и автоматизированный анализ не может изменить это распределение, каким бы убедительным ни казалось выявленное расхождение. Из этого следует, что налогоплательщик не обязан доказывать отсутствие вины, а вправе ограничиться объяснением источника средств, тогда как бремя опровержения этого объяснения остаётся на налоговом органе. Закрепление такого подхода имело бы не только процессуальное, но и предупредительное значение, поскольку оно очерчивало бы границы, за которыми автоматический анализ перестаёт быть инструментом отбора и превращается в средство давления.

Сводя сказанное воедино, отметим: процессуальные гарантии, сохраняющие баланс

фискальной эффективности и защиты частных прав, сводятся к раскрытию критериев отбора, праву на предварительные объяснения, ограничению доказательственного значения автоматически полученных данных и сохранению конституционного распределения бремени доказывания вины. По отдельности они проблему не решают, но вместе превращают автоматизированный контроль из скрытой проверки в аналитический инструмент, результаты которого подлежат проверке. В этом, а не в отказе от цифровизации, и состоит искомый баланс.

Проведённое рассмотрение показывает, что исходная постановка вопроса о балансе фискальной эффективности и защиты частных прав применительно к автоматизированному контролю расходов физических лиц нуждается в уточнении, поскольку сам этот контроль в том виде, в каком он описан в публицистике, не является свершившимся фактом. АИС «Налог-3» действительно аккумулирует значительные объёмы данных и располагает аналитическими инструментами, позволяющими сопоставлять сведения из разных источников [5]. Однако, как было показано, результатом работы аналитического контура становится сигнал, требующий последующей квалификации человеком, а не установленный факт правонарушения. Именно в этом разрыве между аналитической функцией системы и юридической квалификацией её результатов и заключается та проблема, которая требует правового решения.

Фискальная ценность автоматизированного анализа при таком понимании состоит не в доказывании, а в отборе и предупреждении, и в этом качестве она совместима с правовыми ограничениями до тех пор, пока сигнал системы не подменяет собой установление обстоятельств. Как только фискальный интерес начинает оправдывать перенос бремени объяснения на налогоплательщика, баланс смещается, и это смещение проявляется в трёх взаимосвязанных явлениях: закрытости критериев отбора, неформализованности предпроверочного анализа, в рамках которого данные системы фактически используются, и невозможности установления вины на основе алгоритмической оценки. Каждое из этих явлений по отдельности может показаться техническим несовершенством, но вместе они создают ситуацию, в которой налогоплательщик вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно.

Предложенные гарантии призваны восстановить равновесие, не отказываясь от фискальной эффективности системы. Раскрытие критериев отбора, право на предварительные объяснения, ограничение доказательственного значения автоматически полученных данных и сохранение конституционного распределения бремени доказывания вины образуют минимальный набор условий, при которых автоматизированный контроль перестаёт быть скрытой проверкой. Избыточных гарантий здесь нет: каждая закрывает свой разрыв. Первая делает возможным осмысленное возражение, вторая отсеивает ложные срабатывания до возникновения издержек, третья не даёт алгоритму подменить доказывание, четвёртая сохраняет

презумпцию невиновности там, где расхождение в данных выглядит убедительным.

Дальнейшее регулирование связано не с отказом от цифровизации, а с приданием ей надлежащей правовой формы. Уже предлагается закрепить право на объяснение логики автоматизированного решения и признать технологический сбой обстоятельством, исключающим вину налогоплательщика [8]. Эти меры важны, но решают проблему лишь частично, поскольку не затрагивают пределы использования автоматически полученных данных в доказывании. Именно этот вопрос должен стать предметом дальнейшей законодательной работы: от него зависит, останется ли автоматизированный контроль расходов аналитическим инструментом или превратится в скрытую проверку без процессуальных гарантий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
4. Алпатов П.С. Доказательственное значение сведений АИС «Налог-3» // Налоговед. – 2019. – № 10. – С. 23–31.
5. Анисимова А.А. Развитие налогового администрирования в России в условиях цифровизации экономики : дис. … канд. экон. наук. – М., 2021. – 146 с.
6. Гюльбасаров Э. АИС «Налог-3»: стандарты доказывания и риски использования данных, генерируемых алгоритмами. – М. : Палата налоговых консультантов, 2025.
7. Красюков А.В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. – 2018. – № 1. – С. 28–33.
8. Материалы об установлении вины в условиях информатизации (тезисы о невозможности выведения вины из данных АИС) // Материалы конференции «Ломоносов-2026». – М. : МГУ, 2026.
9. Материалы о закрытости алгоритмов и «асимметрии информации» в налоговых правоотношениях. – М., 2025.
10. Сосновский С.А. Необходимость формализации предпроверочного анализа // Налоговед. – 2020. – № 4.